

СЛАВЯНСКИЕ
ДРЕВНОСТИ
БЕЛАРУСИ

СЛАВЯНЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

Книга 1

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК БЕЛАРУСИ
Институт истории

СЛАВЯНЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД

К 90-летию со дня рождения
доктора исторических наук,
профессора
Леонида Давыдовича Поболя

В двух книгах

Книга 1

Минск
«Беларуская навука»
2016

УДК [94+902/904](=16)(476)

ББК 63.3(4Бел)

С47

Серия основана в 2016 году

Редакционная коллегия серии:

А. А. Коваленя (гл. редактор); В. В. Данилович (зам. гл. редактора),
О. Н. Левко (зам. гл. редактора), Д. В. Дук, А. А. Егорейченко, В. Л. Лакиза,
О. А. Макушников, И. А. Марзалюк, С. Е. Рассадин, Я. Г. Риер

А в т о р ы:

О. Н. Левко, И. А. Марзалюк, А. И. Дробушевский, Н. Н. Дубицкая, Л. Д. Поболь,
З. А. Харитонович, А. В. Ильютик, В. Г. Белевец, А. Н. Белицкая, Ю. В. Колосовский,
В. С. Вергей, Е. Ф. Касюк, А. А. Егорейченко, П. М. Кенько, С. Д. Дернович,
А. В. Войтехович, В. И. Шадыро, П. Н. Подгурский, Э. М. Зайковский

Научные редакторы:

доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко
кандидат исторических наук В. Г. Белевец

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор Я. Г. Риер,
доктор исторических наук, профессор Д. В. Дук

Издание подготовлено в рамках выполнения Государственной комплексной программы научных исследований на 2011–2015 гг. «История, культура, общество, государство» (научный руководитель программы – доктор исторических наук, профессор А. А. Коваленя). Подпрограмма № 1 «История и культура» (научный руководитель – кандидат исторических наук, доцент В. В. Данилович). Раздел 1 – «Археология, антропология, источниковедение и история Беларуси с древнейших времен до эпохи раннего Нового времени» (научный руководитель – доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко)

ISBN 978-985-08-1960-4 (кн. 1)

ISBN 978-985-08-1935-2

© Институт истории НАН Беларуси, 2016

© Оформление. РУП «Издательский дом
«Беларуская навука», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

(О. Н. Левко)

В данном издании охарактеризованы археологические культуры, регионы, памятники с территории Беларуси, хронологически укладываемые в рамки I тысячелетия н. э. и увязанные с предшествующим (первые века до н. э.) и последующим (рубеж X/XI вв.) временем. Цель работы – показать все многообразие культурных и этнических преобразований в пределах территории Беларуси, которые содействовали формированию восточнославянской общности на протяжении длительного времени и ее расселению в Восточной Европе.

Впервые археологические источники по ранним славянам были собраны, систематизированы и представлены Л. Д. Поболем в его трехтомном труде «Славянские древности Белоруссии» (1971, 1973, 1974 г.). Данное издание в двух книгах (цветная вклейка: фото 1–16 – кн. 1; фото 17–55 – кн. 2) открывает новую серию работ «Славянские древности Беларуси». Белорусскими исследователями наиболее полно вводятся в научный оборот новые материалы в русле изучения раннеславянской проблематики. В последующих изданиях этой серии будут представлены как отдельные памятники, так и обобщающие публикации по славянской проблематике с территории Беларуси с расширением хронологических рамок.

Формирование и расселение славян на территории Восточной Европы неразрывно связано с проблемным полем археологических культур I тысячелетия н. э. В изучении этих культур особые подвижки произошли в 1960–70-е годы, когда были предложены концепции происхождения и развития восточнославянской общности. В Беларуси вышли «Очерки по археологии Белоруссии», в 1-м томе которых (1970 г.) были собраны все имеющиеся данные по памятникам, представляющим культуры I тысячелетия н. э. на территории республики. На идеях и концепциях предшествующего времени преимущественно базируется и 2-й том фундаментального издания «Археологія Беларусі» (1999 г.), вышедшего в последние годы XX в. Новый виток в подходах к решению проблемы в целом, на расширившейся основе археологических материалов, был сделан на рубеже XX/XXI вв. С первых десятилетий нынешнего века продолжают активно вводиться в научный оборот материалы отдельных памятников и регионов Восточной Европы, по-новому представляются ареалы распространения культур, их связей и взаимовлияний на обширных территориях. Хронологический диапазон, в котором осуществляются данные

исследования, позволяет проследить смену разнокультурных групп объектов в конкретных регионах на протяжении длительного времени.

Однако нет сбалансированного взгляда исследователей как на принадлежность к славянскому этносу тех или иных археологических культур, так и на пути освоения славянами территории Восточной Европы, в том числе на их появление на белорусских землях. Существует также гипотеза, что именно территория Беларуси (регион Поднепровья, или регион Припятского Полесья) является прародиной славян. Разбежки в суждениях проистекают, по-видимому, прежде всего из-за неполной изученности основных этнокультурных массивов, в которых смена культур с признаками этнической преемственности более очевидна.

Наверное, не последнюю роль в неопределенности культурной и, тем более, этнической принадлежности отдельных групп памятников играет тот факт, что процентное соотношение культурных признаков на объектах в центре ареала их распространения и на периферии не в пользу более отдаленных. Не случайно возникло понятие «памятники круга такой-то культуры». Оно, конечно, в некоторой степени помогает связать между собой удаленные на значительное расстояние друг от друга памятники, имеющие схожие признаки. Однако, возможно, следует говорить не о расширении ареала конкретно существующей сложившейся археологической культуры, а о выделении определенной стадии формирования нового культурного массива и его внутренних этнических преобразованиях.

Территория Беларуси – одна из интереснейших в плане информации о культурирогенезе славян Восточной Европы. Она включает четыре крупных региона: Белорусское Поднепровье, Белорусское Полесье, Белорусское Подвинье и Днепро-Двинское междуречье. По ним проходят водные магистрали, связывающие север с югом и восток с западом. В течение всего I тысячелетия н. э. на этой территории осуществлялось движение населения, принадлежавшего к разным культурным и этническим группам. Близость друг к другу бассейнов рек Днепра и Западной Двины, наличие у них крупных притоков и разветвленной системы мелких рек и озер издревле создавали возможность перехода населения из одного бассейна в другой и обеспечивали дальнейшее его продвижение вглубь региона с использованием волоков. Археологические памятники указанных регионов, как правило, многослойны. Тем самым подтверждается длительное использование данной территории для оседлого проживания. На подавляющем большинстве исследованных памятников I тысячелетия н. э. наблюдается смешивание разных культурных, а порой и хозяйственных традиций в пределах одного хронологического этапа. В то же время существуют различия между формирующимися культурно-хронологическими группами объектов Белорусского Поднепровья, Полесья, Подвинья и Днепро-Двинского междуречья. Это дает основание рассматривать памятники внутри данных регионов в широком хронологическом диапазоне, однако в сравнении с тем окружением, которое влияло на состав и соотношение компонентов, формирующих локальные культурные группы.

Пестрота микрорегионов, в которых преобладают те или иные культурные признаки, характерные для более устойчивых южных и северных культурных зон, показывает, что пути и интенсивность наполнения территории Беларуси новым населением были неоднозначны. Возможно, именно эти особенности неравномерного единовременного формирования культурных групп в пределах Беларуси и являются причиной постоянных споров исследователей об их этнической принадлежности. В сборнике научных работ «Ранние славяне Белорусского Поднепровья и Подвинья», посвященном 80-летию Л. Д. Поболя (2003 г.), частично были представлены новые материалы по исследованию поселений и могильников на территории Беларуси, относящихся к I тысячелетию н. э.

В данной работе отражены существующие сегодня научные разработки белорусских археологов в области изучения культур, связанных с формированием славянского населения на территории Беларуси и определяющие место белорусских древностей в исторических трансформациях на новой стадии их исследования. Издание раскрывает особенности четырех регионов: Белорусского Поднепровья, Белорусского Полесья, Белорусского Подвинья и Днепродвинского междуречья. Со всей возможной полнотой даны научно-аналитические характеристики наиболее изученных памятников и культур, относящихся к отдельным этапам исторического развития регионов. Авторы излагают свой взгляд на происходившие процессы и взаимодействие культур и регионов на протяжении всего I тысячелетия н. э. Разные подходы к решению вопросов по культурной принадлежности тех или иных памятников и их хронологии представлены в публикациях А. И. Дробушевского, Н. Н. Дубицкой, А. В. Ильютик (Белорусское Поднепровье), А. Н. Белицкой и В. Г. Белевца (Белорусское Полесье). Скрупулезно рассматривает изменения в материальной культуре северо-западных и центральных земель Беларуси первой половины I тысячелетия н. э. А. А. Егорейченко. Интерес представляют исследования поселений и могильников третьей и последней четвертей I тысячелетия н. э., разворачивающиеся в Белорусском Полесье и Днепродвинском междуречье (Ю. В. Колосовский, В. С. Вергей, Е. Ф. Касюк, В. И. Шадыро, А. В. Войтехович, П. М. Кенько, С. Д. Дернович, П. Н. Подгурский). Связь памятников Оршанского Поднепровья с памятниками Витебского Подвинья в этот период прослежена О. Н. Левко. Наличие разных точек зрения на одни и те же либо близкие и спорные культурные явления, а также неодинаковая их оценка с позиции исторической и этнокультурной интерпретации, на наш взгляд, позволят в дальнейшем найти более объективное решение проблемы славянского этногенеза в целом и его отражение в разных регионах Беларуси на отдельных этапах их развития в частности.

Важной чертой данной работы представляется тот факт, что она опирается на новейшие достижения в области исследования славянской проблематики. Значит, есть шанс еще более приблизиться к разрешению спорных вопросов.

ПОБОЛЬ ЛЕОНИД ДАВЫДОВИЧ: К 90-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ УЧЕНОГО

30–31 октября 2014 г. в Институте истории НАН Беларуси прошла международная научная конференция, посвященная 90-летию со дня рождения известного белорусского археолога, доктора исторических наук, профессора, академика Международной Славянской Академии Леонида Давыдовича Поболя.

Вся научная и практическая деятельность Л. Д. Поболя была связана с изучением ранней истории славян, популяризацией археологии, подготовкой научных кадров в этой области для Беларуси.

Родился Леонид Давыдович Поболь 28 мая 1924 г. в д. Николаево Ивьевского района Гродненской области в многодетной (семеро детей) крестьянской семье. Учился в местной начальной школе, семилетку закончил в 1939 г. и после освобождения западных территорий до 1941 г. продолжал учебу в Любчанской белорусской средней школе.

В годы Великой Отечественной войны (май 1942 г. – апрель 1944 г.) был связным партизанской бригады им. Дзержинского в Барановичской области и до июля 1944 г. членом партизанского отряда им. Свердлова этой бригады. На освобожденной территории работал заведующим Зеневичской и Плисской начальных школ Любчанского района Барановичской области и учился заочно в Новогрудском педучилище до 1946 г. Награжден медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (29.07.1946 г.) и «Партизану Отечественной войны» (13.10.1948 г.).

В 1950 г. окончил Институт физкультуры (очно), а в 1951 г. – исторический факультет Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина (заочно). С 1950 г. работал председателем городского комитета по делам физкультуры и спорта в г. Барановичи, заведующим Любчанским РОНО Барановичской области, директором Столбцовской средней школы Минской области. Избирался депутатом Барановичского горсовета.

В 1955 г. стал одним из первых аспирантов Института истории Академии наук БССР. С 1958 г. начал работать научным сотрудником, а в 1970 г. был назначен заведующим сектором археологии данного Института. Благодаря активной позиции Леонида Давыдовича в наращивании кадрового состава археологов республики, с 1980 г. сектор преобразован в отдел археологии Института истории Академии наук БССР, а в 1986–1991 гг. было уже три отдела археологии, одним из которых (отделом археологии первобытного общества) Л. Д. Поболь сначала руководил, а затем работал в нем ведущим научным сотрудником. В конце 2002 г. Леонид Давыдович ушел на заслуженный отдых с должности главного хранителя фондов Музея истории Национальной академии наук Беларуси.

Свои полевые исследования Л. Д. Поболь проводил в Белорусском Поднепровье. Изучал ставшие эталонными памятники: Чаплин, Тайманово, Абидню и ряд других. Главной задачей исследований он видел как можно более широкий и глубокий охват древностей, связанных с формированием и развитием славянских культур на территории Беларуси.

С 1955 г. Л. Д. Поболь начал исследовать памятники зарубинецкой культуры. В 1956–1957 гг. он продолжил после П. Н. Третьякова и Ю. В. Кухаренко раскопки Чаплинского археологического комплекса. В 1960 г. Л. Д. Поболь защитил кандидатскую диссертацию «Поселения и могильник зарубинецкой культуры в Чаплине: к вопросу о ранней восточнославянской культуре в южной части БССР». На белорусских материалах им были выделены два региона зарубинецкой культуры: верхнеднепровский и полесский. В научной дискуссии 1970-х годов о хронологии зарубинецких древностей Л. Д. Поболь придерживался мнения о начале сложения данной культуры в III в. до н. э. Верхняя граница ее существования была не ясна в связи с обнаружением, как в Среднем, так и Верхнем Поднепровье огромного пласта древностей, родственных данной культуре.

В отдельную культурно-историческую группу древности второй четверти I тысячелетия н. э. выделил В. Н. Даниленко. По материалам Среднего Поднепровья они получили название «киевская культура». В Белорусском Поднепровье систематическое изучение памятников этого облика начато раскопками Л. Д. Поболя на селище и могильнике д. Абидня в Быховском районе. Л. Д. Поболь рассматривал памятники киевского типа как поздний этап зарубинецкой культуры, видя в них прямую эволюционную связь с более ранними зарубинецкими древностями. С 1967 по 1983 г. на селище и могильнике в д. Тайманово Быховского района он выявил многочисленные материалы II–IX вв. н. э. По мнению Л. Д. Поболя, данные древности не только распространились по всей территории, занимаемой прежде зарубинцами, но и выходили на север за ее пределы в бассейне р. Березина. В ареал «постзарубинцев», или, как принято писать в научной литературе, памятников «типа Абидни» Л. Д. Поболем (1970 г.) включена значительная часть Смоленщины и Брянщины. На юге данные памятники смыкались с однотипными памятниками киевской культуры.

П. Н. Третьяков (1966 г.) древности второй и третьей четвертей I тысячелетия н. э. относил к восточнославянскому этносу, сформировавшемуся в процессе переработки зарубинецких традиций. Л. Д. Поболь (1983 г.) являлся сторонником гипотезы эволюционного развития материальной культуры населения в I тысячелетии н. э., сохранения многих зарубинецких традиций и в целом зарубинецкой основы всего процесса развития культур, сложившихся в Верхнем Поднепровье после зарубинцев.

На основе своих исследований Л. Д. Поболь ввел в научный оборот значительное количество новых источников, представленных в трехтомном научном

труде «Славянские древности Белоруссии» (1971–1974 гг.), который защитил в качестве докторской диссертации (1978 г.). Он обобщил и опубликовал сведения о памятниках железного века с территории республики (1983 г.), материалы которых связаны со славянским этногенезом, а также ввел в научный оборот хранящиеся в музеях Польши находки с белорусских памятников (1979 г.). Материалы раскопок самого Л. Д. Поболя представлены в экспозициях ряда музеев Беларуси.

Вклад Л. Д. Поболя в создание научной базы по славянской проблематике на территории Восточной Европы трудно переоценить. Идеи и гипотезы, высказанные ученым в его многочисленных (свыше 300) публикациях, выступлениях на международных конгрессах, региональных симпозиумах, конференциях, находят подтверждение и продолжают успешно развиваться в трудах современных археологов-славистов, в том числе кандидатских и докторских диссертациях российских коллег из Москвы и Санкт-Петербурга – учеников научных оппонентов Л. Д. Поболя.

Как руководитель всей белорусской археологической науки Л. Д. Поболь всячески способствовал развитию и других ее областей (изучению городов, памятников первобытной эпохи) на территории Беларуси. Его особой заботой было наращивание кадрового состава археологов, повышение их научной квалификации. Леонид Давыдович дал «путевку в научную жизнь» многим своим коллегам. Он не жалел времени и терпения на обучение «азам археологии» молодых людей, проходивших практику в Тайманово и на других памятниках археологии. Всегда активно способствовал организации рабочих мест для археологов в Институте истории, вузах и музеях республики. Стремился к созданию Института археологии, заботился о росте престижа белорусской археологической науки. Именно за годы руководства Л. Д. Поболя отделом археологии первобытного общества вырос основной костяк широко известных ныне белорусских профессионалов-археологов. Авторитет Леонида Давыдовича на международной арене также был высок. Он до 1996 г. представлял Беларусь в Международной Унии Славянской Археологии, был членом-корреспондентом, а с 1999 г. – академиком Международной Славянской Академии; членом Польского археологического общества. Активный популяризатор и защитник археологического наследия Л. Д. Поболь являлся членом Белорусского общества охраны памятников, способствовал созданию музея «Берестье», добился создания специальных научных экспедиций для изучения территории затопления под Даугавпилскую ГЭС, а также древнейших городов – Витебска и Минска. Одной из идей Л. Д. Поболя было создание музея археологии при Институте истории Академии наук БССР. Мечта ученого была воплощена в жизнь его учениками и коллегами, когда в 2007 г. открылась научная музейная археологическая экспозиция при Институте истории НАН Беларуси. На прошедшей международной конференции, посвященной 90-летию юбилею ученого, выступали коллеги из Беларуси, России, Польши. В своих докладах

Поболь Леонид Давыдович: к 90-летию со дня рождения ученого

они представляли материалы, которые еще раз во многом подтвердили научные идеи белорусского археолога-слависта Л. Д. Поболя.

В повседневной жизни Леонид Давыдович был скромным, открытым, внимательным и доброжелательным человеком. Преданно любил и глубоко уважал свою жену Александру Александровну (врача-офтальмолога), вырастил сына Игоря (ученого-физика) и дочь Ольгу (детского врача-офтальмолога). Заботился о старенькой матери, сестрах и младшем брате. Радовался успехам близких ему людей и гордился ими. Всегда был чутким к нуждам своих коллег, старался помочь в сложных житейских ситуациях. Ценил в людях трудолюбие и честность. Огорчался, сталкиваясь с человеческой черствостью и несправедливостью. Тем, кому довелось работать вместе с Леонидом Давыдовичем Поболем, повезло встретить на своем жизненном пути настоящего борца за идею, влюбленного в науку, прекрасного наставника и просто хорошего человека.

*Заведующая центром археологии и древней истории Беларуси
Института истории Национальной академии наук Беларуси,
доктор исторических наук, профессор О. Н. Левко*

ОСНОВНЫЕ ВОПРОСЫ СЛАВЯНСКОГО ЭТНОГЕНЕЗА В ТРУДАХ Л. Д. ПОБОЛЯ

(И. А. Марзалюк)

Труды Леонида Давыдовича Поболя, посвященные истории развития славянских древностей, с момента их публикации стали предметом жарких дискуссий и споров. Л. Д. Поболь внес неоценимый вклад в накопление источниковедческой базы по археологии Беларуси эпохи раннего железного века, римского времени и раннего средневековья. Труды Л. Д. Поболя способствовали широкой дискуссии в научной среде о роли и месте памятников археологии нашей страны в славянском этногенезе, в том числе и о локализации прародины славян. В чем же сущность важнейших, основополагающих, идей ученого?

На протяжении 1970–1980 гг. Л. Д. Поболь сформулировал теорию об автохтонном развитии славянских древностей на юге Беларуси. Первый этап, согласно концепции данного исследователя, начался еще в эпоху бронзы и связан с эволюцией культур бронзового века в милоградскую культуру. Именно милоградская культурная общность была той исходной основой, на которой, по его мнению, в последующем образовалась общеславянская общность. На основе памятников милоградской культуры, утверждал Л. Д. Поболь, происходит возникновение и развитие зарубинецкой культуры:

«...племена зарубинецкой культуры вообще, и территории БССР в частности, имеют свои истоки у племен более древней милоградской культуры, что вытекает из характера поселений, керамики, погребального обряда и т. д.» [Поболь, 1960, с. 17].

Время существования зарубинецкой культуры – второй, очень важный, этап в эволюции славянских, по мнению Л. Д. Поболя, древностей. Исследователь подчеркивал, что кроме общих черт, присущих всем памятникам зарубинецкой культуры, имеются еще и различия в материальной культуре, типах поселений и деталях погребального обряда, позволяющие говорить о трех основных вариантах зарубинецкой культуры – полесском, верхнеднепровском и среднеднепровском. Кроме этих трех вариантов, им был выделен почепский вариант зарубинецкой культуры. Последний, как доказывал Л. Д. Поболь, сложился в результате смешения зарубинецкой и юхновской культур [Поболь, 1971, с. 177–178].

Белорусский ученый предложил и свою оригинальную периодизацию древностей зарубинецкой культуры. «Классические» зарубинецкие древности в своем развитии, по Л. Д. Поболу, прошли три стадии.

Первая, самая ранняя стадия, дофибульная. Он датировал ее временем с середины III – до середины II в. до н. э. Характерные для ее признаки – явные следы сильного влияния скифской культуры, керамика этой стадии очень близка милоградской, то же самое характерно и для погребального обряда населения зарубинецкой культуры [Поболь, 1971, с. 166–170, 173–174].

Вторая стадия – начинается с середины II в. до н. э. и продолжается до середины I в. до н. э. Это время – период расцвета, он характеризуется латенизацией культуры, широким распространением фибул среднелатенской схемы, кельтских типов оружия. При этом исследователь отмечал также и сохранение населением определенных черт скифской культуры (отдельные типы орудий труда, оружия, керамики и украшений). Латенские черты зарубинецкой культуры, как считал Л. Д. Поболь, возникли в результате непосредственных контактов зарубинецкого населения с юго-западными кельтами, которые осуществлялись вплоть до их разгрома римлянами в конце I в. до н. э. [Поболь, 1971, с. 170–172, 174–175, 180].

Третья стадия – с середины I в. до н. э. до начала II в. н. э. На этой стадии утрачивается влияние латенской и скифской культур, на первый план в материальной культуре выходят местные традиции [Поболь, 1971, с. 172–173, 175]. При этом Л. Д. Поболь акцентировал внимание на специфическом, весьма важном моменте истории зарубинецких племен Белорусского Поднепровья в сравнении с иными регионами зарубинецкой культуры:

«Территория Верхнего Поднепровья не была задета сарматским или готским движением. Местные археологические материалы дают основания утверждать, что здешнее зарубинецкое население оставалось на месте в течение как I, так и в какой-то части II вв. н. э.» [Поболь, 1970, с. 170].

Четвертая стадия – позднезарубинецкая, или «поздний этап зарубинецкой культуры». Она датировалась исследователем II–V вв. н. э. Как известно, Л. Д. Поболь параллельно исследовал памятники предримского и римского периодов в Верхнем Поднепровье и Восточном Полесье. Им была сформулирована теория о широком распространении на территории Южной Беларуси памятников «позднего этапа зарубинецкой культуры» в период, последовавший после распада его «классического» варианта. Ученый считал, что эволюция именно этой позднезарубинецкой общности, экспансия ее населения в Центральную и Северную Беларусь послужили здесь основой для формирования культур середины–второй половины I тысячелетия н. э. – Колочинской, Банцеровской, Тушемлинской [Поболь, 1970, с. 168–83; 1971, с. 178–179; 1973, с. 27, 33, 40; 1974, с. 4–6, 100–101, 363, 368–369].

Все данные положения и выводы Л. Д. Поболя были обобщены им в трехтомном издании «Славянские древности Белоруссии». Реакция оппонентов не заставила себя ждать. В 1976 г. появилась разгромная рецензия К. В. Каспаровой, Д. А. Мачинского и М. Б. Щукина на этот труд [Каспарова, 1976, № 4, с. 241–253]. Нельзя сказать, что все высказанные в рецензии претензии были не справедливы. Да, действительно, исследователя можно упрекнуть в нечеткости структуры издания, технических неточностях в работе, ряде действительно имевших место ошибочных положений и суждений. Однако ряд претензий рецензентов, как показало время, ошибочен и ближе к истине, был, все-таки, Л. Д. Поболь.

Особенно белорусскому исследователю «досталось» за выделение дофибульной стадии и датировку ее второй половиной III – серединой II в. до н. э. Действительно, Л. Д. Поболь был не прав – дофибульной стадии в развитии зарубинецкой культуры не существовало. А значит, и датировать памятники зарубинецкой культуры второй половиной III в. до н. э. вроде бы не приходится. Однако так кажется только на первый взгляд и только с позиций устоявшихся стереотипов того времени. Время показало, что обвинения в незнании «азов археологии железного века Европы» [Каспарова, 1976, № 4, с. 250] работали против авторов рецензии. Хронологические построения рецензентов, их отсылки к труду А. К. Амброза [1966], были основаны на безоговорочной вере в авторитет и правильность хронологической схемы латенской культуры чешского археолога Яна Филипа, которой придерживались в то время в том числе и советские ученые. Именно отсюда и проистекала уверенность рецензентов в том, что ранний этап зарубинецкой культуры нельзя датировать III в. до н. э., а только лишь II в. до н. э. Наиболее последовательно и категорично выступала за такую датировку ранней фазы зарубинецкой культуры К. В. Каспарова:

«Основными хронологическими показателями для зарубинецкой культуры являются фибулы среднелатенской схемы из закрытых комплексов. По А. К. Амброзу, который опирался на хронологию Филипа–Хахманна, они относятся к рубежу II–I до н. э. На датировки более ранним временем, предполагаемые без достаточной аргументации, полагаться, естественно, нельзя» [Каспарова, 1982, № 2, с. 58].

К. В. Каспарова и в ряде более поздних работ осталась верна своим взглядам на датировку раннего этапа зарубинецкой культуры [Каспарова, 1993, № 2, с. 169–180]. Однако вскоре в процессе изучения зарубинецких памятников Среднего Поднепровья возникает так называемое амфорно-фибульное противоречие. Дело в том, что в ходе исследований украинского археолога Е. В. Максимова было установлено несоответствие между хронологическими построениями схемы Яна Филипа в отношении хронологии селищ и могильников зарубинецкой культуры в Среднем Поднепровье. Ранняя дата могильников, определяемая по латенским фибулам II в. до н. э., противоречила датировке зарубинецких поселений, на которых украинским исследователем были найдены греческие амфоры с косскими и фасосскими клеймами. Амфорные клейма дали датировку 230–200 гг. до н. э. [Максимов, 1982; 1993, с. 21–23, 34]. В этом же стратиграфическом горизонте были найдены фибулы и иные артефакты, идентичные находкам из грунтовых могильников, которые, повторимся, датировались до этого лишь 180–170 гг. до н. э. Дальнейшее изучение древностей зарубинецкой культуры привело исследователей к пересмотру хронологической схемы Филипа–Хахманна и возвращению к хронологическим построениям схемы европейского латена, обоснованной в свое время еще Паулем Райнеке, естественно, с определенными уточнениями и дополнениями. Выявилось также противоречие дат Я. Филипа скифской хронологии: брасле-

ты с рубчиками эпохи Латена фаз В₁–В₂ оказались в скифской культуре более ранними (IV в. до н. э.), чем в латенской (III в. до н. э.). Г. Г. Абезгауз, В. Е. Еременко, В. Г. Журавлев, С. Ю. Каргопольцев и соавтор рецензии К. В. Каспаровой М. Б. Щукин, пришли к выводу, что ранние памятники зарубинецкой культуры действительно следует датировать концом III в. до н. э. Это утверждение базируется на абсолютных датировках по дендрохронологии. Таким образом, ступень С_{1b} можно примерно датировать 225–190 гг. до н. э. Синхронизация зарубинецких древностей с европейскими показала, что эти погребения могут быть датированы 225–190 гг. до н. э., что позволило ликвидировать разрыв между ранней датой могильников и ранней датой селищ, определяемых косскими и фасосскими амфорными клеймами 230–200 гг. до н. э. [К вопросу о ранней дате могильников ... , 1992; Бажан, 1992; Еременко, 1992; 1998, № 33, с. 61–89]. В конце III в. до н. э., таким образом, зарубинецкая культура уже существовала как археологическая реальность. Поэтому начало ее сложения и оформления во второй половине III в. до н. э. уже ни у кого не вызывает бурю эмоций и праведного негодования.

Положение Л. Д. Поболя о милоградской основе зарубинецкой культуры было также названо не обоснованным:

«Очень вероятно, что в Верхнем Поднепровье носители милоградской культуры приняли участие в этом процессе, но то положение оказалось неподтвержденным надежными материалами» [Каспарова, 1976, № 4, с. 246].

Кстати, задолго до этой рецензии против данного положения выступила О. Н. Мельниковская:

«...На основании материалов, которыми мы располагаем, можно думать, что поздние этапы существования милоградских племен в Южной Белоруссии совпадают с зарубинецким временем и культурой. Памятники зарубинецкой культуры сопутствуют милоградским и на поздних этапах существования последних перекрывают их. Мы можем сейчас говорить не столько о прямой генетической преемственности, сколько о сосуществовании этих групп при значительной близости как территории, так и многих элементов в материальной культуре населения в частности близости в погребальном обряде.

...Генетических связей между милоградскими и зарубинецкими культурами не наблюдается. Зарубинецкая культура проникает на территорию милоградской культуры постепенно и, существуя там около 200 лет, в конце концов ассимилирует местный этнический субстрат. Этим и объясняется некоторое сходство между милоградской и зарубинецкой культурами Верхнего Поднепровья» [Мельниковская, 1963, № 1, с. 32–42].

О. Н. Мельниковская, да и во многом разделяющий ее взгляды на время существования милоградской культуры и ее взаимодействия с зарубинцами С. Е. Рассадин, с нашей точки зрения правы в том, что милоградцы не только стали субстратом зарубинецкой культуры, но и отдельные группы населения долгое время, в качестве отдельных островов, существовали синхронно с ней.

Это подтверждается и уточненной датировкой сокрытия милоградских кладов в Горошково II в. до н. э. и самого позднего, датированного I в. н. э., комплекса жилища в Милограде [Рассадин, 2005, с. 31, 38].

Автор этих строк отдает себе отчет, что тезис об эволюции зарубинецкой культуры из милоградской и объявление ее местной, автохтонной, не выдерживает критики. В этом случае Л. Д. Поболь был, безусловно, неправ. То, что носители новых латенизированных традиций, составивших основу зарубинецкой культуры, были пришлым элементом, бесспорно. На современном этапе изучения зарубинецких древностей ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что в зарубинецкой культуре присутствуют выразительный германский, ясторфский и оксывский компоненты [Еременко, 1997, с. 119, 171, 192; 1992; Пачкова, 2006, с. 6, 90, 224–251, 283–302]. Большинство исследователей солидарны также и в отождествлении населения поянешти-зарубинецкой общности с бастарнами античных письменных источников. Другое дело, что часть ученых, в первую очередь представителей петербургской школы, категорически отрицали роль местного населения в сложении зарубинецкой культуры даже в качестве субстрата. Постулировался тезис о том, что зарубинецкая культура на земли Восточной Европы пришла уже в «готовом», латенизированном виде. Утверждалось, например, петербургским исследователем В. Е. Еременко, что между милоградской культурой и зарубинецкими памятниками существовал hiatus около 100 лет [Еременко, 1989]. Отрицалось и влияние поморской и лесостепной скифской культур на сложение полесского и среднеднепровского варианта зарубинецкой культуры.

Однако далеко не все ученые были настолько категоричны в своих выводах. Положение о субстратном влиянии местного населения, его участия в зарубинецкой культуре, никогда не утрачивало своих сторонников в научном сообществе, находит оно своих последователей и вплоть до настоящего времени. А. М. Обломский, изучая проблему происхождения верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры, пришел к выводу, что памятники типа Горошков–Кистени формировались на поморско-милоградской основе. По мнению исследователя, в первую очередь это касается керамического комплекса данного локального варианта зарубинецкой культуры [Обломский, 1983; 1985, № 1, с. 90–109].

Украинский исследователь С. П. Пачкова, с нашей точки зрения, весьма убедительно показала несостоятельность утверждений об отсутствии милоградского субстрата в верхнеднепровском варианте зарубинецкой культуры [Пачкова, 2006, с. 176–183] и детально проанализировала те элементы в локальных вариантах зарубинецкой культуры, которые свидетельствуют о влиянии традиций на ее сложение местного (скифского, милоградского и поморского) населения:

«...почему нужно отрицать наличие местных предшествующих культур, которые выражены совсем не слабо и к тому же проявляются не в одном,

а в нескольких артефактах зарубинецкой культуры? Что могли создать мелкие группы воинов-переселенцев без участия местного населения? Как могли сохраниться черты автохтонных культур, если местное население на этих территориях исчезло еще 100–150 лет назад? Как можно объяснить варианты различия в зарубинецкой культуре, если из автохтонных в каждом регионе преобладают элементы именно той культуры, которая предшествовала на этой территории?

И, наконец, какие неведомые катаклизмы могли заставить обезлюдеть благоприятные в природно-климатическом отношении Верхнее и Среднее Поднепровье, если даже менее благоприятные для жизни территории севера Средней Европы остались обжитыми после ухода оттуда скиров, бастарнов, кимвров и, возможно, других, не известных античным авторам племен?

...Следы местного населения или местного латенизирующегося населения отмечены на ряде зарубинецких могильников – это милоградские погребения – кенотафы в Отвержичах (№№ 33, 93), в Корчеватом (№№ 6, 9, 101), нормальное погребение № 49 в Вишенках с единичными кальцинированными косточками.

Зарубинецкая культура занимала территории, на которых в скифское время располагались памятники поморской, милоградской и лесостепной скифской культур. Сравнительный анализ материалов зарубинецкой и культур скифского времени позволяет увидеть элементы предшествующих культур в различных артефактах зарубинецкой, что говорит об их определенном вкладе в сложение облика последней.

...Милоградская культура, которая предшествовала зарубинецкой на территории Восточного Полесья и в Поднепровье от устья Березины до Киева, функционировала, вероятно, значительно дольше, чем это представляется В. Е. Еременко. Об этом свидетельствует клад орудий труда из Горошково, цепь из которого может быть отнесена к III в. до н. э., местное изготовление рубчатых браслетов по латенским образцам, формы которых происходят из городищ Мохов I, Чаплин и Горошково, могло продолжаться на протяжении всего III в. до н. э., поскольку отпечатки их найдены и на зарубинецкой керамике на городище Уваровичи. Но наиболее весомым доказательством участия наследников милоградской культуры являются остатки милоградских элементов в различных артефактах зарубинецкой культуры. К ним относятся близость топографии городищ обеих культур, конструктивные особенности наземных и углубленных жилищ с центральным опорным столбом, технологические особенности верхнеднепровской зарубинецкой посуды (состав глиняного теста с мелкой дресвой и слюдяными блестками), орнамент на кухонных горшках в виде групповых оттисков ногтями по корпусу. Большое количество аналогий в погребальном обряде: практически исключительно ямный обряд погребения в зарубинецкой культуре Верхнего Поднепровья, сочетание округлых и овальных по форме погребальных ям, одинаковая их пространственная ориентация, очищение косточек от остатков погребального

костра, обычай вложения различных украшений, кроме фибул, и обломков посуды – всего 29 общих признаков из 78, характеризующих зарубинецкий погребальный обряд, 15 из них в зарубинецкой можно по происхождению связать с милоградской культурой» [Пачкова, 2000, № 4, с. 74–87].

Весьма показательно, что и один из наиболее последовательных оппонентов С. П. Пачковой, ученик М. Щукина, В. Е. Еременко, в своих последних публикациях, посвященных планиграфии зарубинецких могильников, по сути, признал правоту представителей противоположной стороны. При анализе погребального обряда зарубинецкой культуры им были выделены и проанализированы группы доминантных семей. Результаты, к которым пришел автор, не могут не впечатлять:

«При исследовании планиграфии могильников не исключались милоградские погребения. Они в большинстве случаев расположены на участках доминантных групп или рядом с ними и ни разу не нарушены зарубинецкими погребениями.

...Но если допустить, что попадание милоградских погребений в доминантные группы могильников ЗБК не случайно, то вновь встает вопрос о поздней дате милоградской культуры, в частности – подгорцевского, среднебелорусского и верхнеднепровского вариантов, а также о том, когда и кем оставлен так называемый милоградский могильник Горошков.

...Милоградские, зарубинецкие и вельбарские погребения оказываются в равной степени включены в семейные участки зарубинецких могильников, причем в основном в доминантные группы. Вряд ли это случайно. Следовательно, либо мы недооцениваем длительность сохранения «родовой памяти» (вельбарцы знали, на каком участке могильника поместить свои погребения почти через 150 лет после прекращения зарубинецких погребений), либо имеющаяся в нашем распоряжении хронология не совсем точна.

...Смена погребального обряда при сохранении населения, так же, как и смена погребального обряда при переходе в другие рода, была явлением заурядным. Поэтому при исследовании этногенеза и культурогенеза решающее значение приобретают поселенческие материалы, менее регламентированные ритуальными ограничениями. А эти материалы свидетельствуют о том, что, несмотря на частую смену культур, какое-то местное, пусть и немногочисленное, население существовало на Полесье и в Поднепровье, начиная со скифского времени и вплоть до эпохи исторических славян. При появлении мощных центров влияния (Скифия, зарубинецкая культура, Сарматия, «Готское королевство») это местное население включалось в новые культуры, вплоть до полной потери культурного своеобразия, а в периоды отсутствия таких центров вновь появлялись в виде достаточно аморфных, невыразительных, а потому археологически трудноуловимых групп памятников.

...погребальный обряд постазарубинецких памятников киевского типа обнаруживает сходство не с классическим зарубинецким, а с милоградским!» [Еременко, 2000, с. 47–49].

В связи с вышеизложенным логично будет перейти еще к одной весьма важной проблеме, которой в своих трудах много места уделял Л. Д. Поболь, – этнической атрибуции культур раннего железного века и римского времени и проблеме, связанной с локализацией славянской прародины. Взгляд белорусского исследователя на эту проблему мы вкратце изложили в начале нашей статьи. Как же эта проблема решается сегодня с учетом данных лингвистики, археологических и письменных источников?

Как известно, есть две основные теории, касающиеся славянской прародины, и, соответственно, культур, претендующих на славянскую принадлежность, – висло-одерская и припятско-днепровская. Висло-одерская теория была сформулирована в трудах представителей польской науки в 1930–50-х годах. Сущность висло-одерской теории сводится к тому, что праславяне сформировались между Одером и Вислой, а в первых веках нашей эры они начали расселяться на юг, восток и запад. Авторами данной концепции были польский археолог Ю. Костшевский и поддерживавший его польский лингвист Т. Лер-Сплавинский [Godlowski, 2000, с. 59]. Согласно их построениям, первой протославянской культурой была лужицкая культура эпохи бронзового века, а собственно славянскими, якобы производными от нее, – поморская и пшеворская. Пикантность ситуации заключается в том, что первоначально Ю. Костшевский интерпретировал памятники поморской и пшеворской культур в качестве восточногерманских и лишь позднее, под его пером, они превратились в «славянские» [Еременко, 1997, с. 57]. Политическая ангажированность подобных построений очевидна. Не в последнюю очередь висло-одерская концепция возникла с целью обоснования исторических прав возрожденного польского государства на земли Поморья. У этой теории было много приверженцев не только среди польских, но и среди советских археологов. Одним из самых ярких в числе их был, как известно, В. В. Седов.

Однако в свое время еще Любарт Нидерле подчеркивал исключительную важность белорусско-украинского Полесья в качестве одной из древнейших частей славянской прародины. Очень много весомых аргументов в пользу Полесья и Верхнего Поднепровья в качестве исходной территории праславянской общности привел Казимеж Мошинский [Godlowski, 2000, с. 58–65]. Этот блестящий польский этнолог очень существенно повлиял на методологию краковской археологической школы, которая последовательно отстаивала в своих трудах взгляд ее основателя на данную проблему. К. Мошинский убедительно показал, что именно Полесье сохранило наиболее древние реликтовые формы праславянского языка и праславянской культуры. По данным лексикологии установлено, что носители общеславянского языка были хорошо знакомы со смешанным лесом умеренной климатической зоны, его флорой и фауной, его озерами и болотами, однако они не знали моря и жили в стороне от морских побережий, а также горных местностей и степей. Лингвистический анализ показал, что праславяне жили в непосредственном соседстве

с древнейшими балтийскими племенами. Особенно тесными славянско-балтийские контакты были в период, предшествующий новой эре и в первые ее века. Важным обстоятельством является установление того факта, что праславяне жили южнее собственно балтов. С древнегерманскими племенами в VI–V вв. до н. э. контактов они еще не имели. В отличие от славяно-германского тесный контакт отмечается между праславянским и иранским языками. Языковеды относят начало тесных славяно-иранских связей к середине I тысячелетия до н. э. [Максимов, 1972, с. 131–132]. Весьма показательны и то, что население милоградской культуры с ранней фазы своего существования и до III в. до н. э. имело самые тесные связи со скифами [Кухаренко, 1961, с. 11; Мельниковская, 1967, с. 56–64, 69–72, 76–77, 86–89]. Милоградские племена, скорее всего, были пактиотами Великой Скифии. Это очень хорошо объясняет факт раннего ирано-праславянского лингвистического взаимодействия.

Интересные данные были получены при анализе названий дикорастущих деревьев. Оказалось, что названия деревьев, известные в лесной полосе, западнее среднего течения Днепра, являются исконно праславянскими. Важные сведения были получены при изучении анализа гидронимов. Было установлено, что название всех крупных рек Висло-Одерской территории, таких как Висла, Одер, Варта и других, не являются славянскими. В то же время в районе Среднего Приднепровья и западнее его такие реки, как Десна, Припять, Тетерев имеют несомненно славянское происхождение [Максимов, 1972, с. 131–132]. Как показали исследования лингвистов, левобережье Припяти и прилегающие к нему участки правого берега Днепра не содержат балтской гидронимии. На участке правого берега Днепра от устья Березины до устья Припяти В. Н. Топоровым и О. Н. Трубочевым отмечен всего один балтийский гидроним. Показательно, что и на Соже участок, занятый милоградскими памятниками, дает всего два балтийских гидронима, да и далее на север, почти до Славгорода, балтийских гидронимов нет [Мельниковская, 1967, с. 179–180]. Иными словами, данная территория «славянской чистоты» практически полностью совпадает с ареалом распространения памятников милоградской культуры.

Как мы помним, именно Л. Д. Поболь среди белорусских археологов был тем исследователем, который последовательно отстаивал тезис об относительной древности и устойчивости славянского населения Полесья, прежде всего его западной части.

Немецкий археолог И. Вернер еще в 1972 г. высказал предположение о формировании праславянского массива населения на территории лесной зоны Восточной Европы на Полесье, в Южной Беларуси, перед появлением славян на исторической арене:

«То, что в археологическом материале начинает выступать как раннеславянская культура, исключительно единообразная и отмеченная культурными элементами в период передвижений VI–VII вв., имеет своим источником

культурные явления IV–V вв. на свободных от балтского населения пространствах Белоруссии и пограничных с нею областей» [Вернер, 1972, № 4, с. 110].

Такой же точки зрения придерживался и всесторонне ее обосновывал всемирно известный польский археолог Казимеж Годловский. В его представлении именно регионы Полесья и Белорусского Верхнего Поднепровья являлись исходной территорией славянской прародины [Godlowski, 2000, с. 115–128].

С нашей точки зрения, нет никаких оснований да и необходимости вывести протославянскую культурную общность из поморской культуры. Куда более убедительно выглядит предположение о претенденте на данную роль населения милоградской культуры. Сегодня мы имеем все основания предполагать, что милоградское население приняло участие в сложении зарубинецкой культуры, которая была полиэтнична с момента своего возникновения. Как здесь не вспомнить соображения дореволюционного российского археолога В. А. Городцова, который первый высказал предположение о том, что население зарубинецкой культуры относилось к «славяно-германской» языковой группе [Максимов, 1972, с. 9]. Исследователи подчеркивают тот факт, что молодые мигранты-бастарны, составившие ядро латенизированной традиции зарубинецкой культуры, были свободны от семей. Это была пассионарная молодежь, организованная в военизированные группы и отправившаяся в поход для завоевания новых земель. Показательно, что ясторфский компонент погребальной обрядности зарубинецкой культуры более чем скромнен. Анализ данного компонента обрядности показывает, что на территории Полесья и Поднепровья пришли бедные молодые люди без женщин, без семей [Ляхин, 2010]. Весьма уместно будет вспомнить, как переводится с древнегерманского термин «бастарны». Он означает наименование потомков браков германских мужчин с иноплеменницами. Значит, бастарны – люди со смешанной кровью. По мнению Г. Коссины, они получили это название из-за сильного смешения с населением территории Польши и Западной Украины, где проходил их путь на юго-восток [Рассадин, 2008, с. 232]. От себя добавим: а также с населением, жившим на Белорусском Полесье и в Поднепровье. Таким образом, наряду с германским компонентом зарубинецкой культуры, в ней, безусловно, присутствовал и местный компонент, который, как показывает дальнейшая эволюция зарубинецких древностей, сохранял свою языковую идентичность и определенные традиции материальной культуры, под вуалью латенизированной зарубинецкой культуры, на протяжении столетий. Очень важны в связи с этим тезисом и наблюдения С. П. Пачковой о роли милоградского населения в развитии верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры:

«...Потомки милоградских племен были составной частью племен складывавшейся зарубинецкой культуры, которые на территории Верхнего Поднепровья, по всей вероятности, в численном отношении превосходили мигрантов, что и отразилось на региональных особенностях зарубинецкой культуры. Вероятно, латенизация культуры милоградского населения, которая проявилась

в приобретении ею зарубинецкого облика происходила медленнее по сравнению с полесским и среднеднепровским регионами» [Пачкова, 2006, с. 183].

Окончательно же процесс оформления собственно праславянской, а затем и раннеславянской, общности, связан с позднезарубинецкими древностями и производными от них древностями киевского культурного круга или, по терминологии Л. Д. Поболя, древностями четвертой стадии развития зарубинецкой культуры, характерной чертой которой является появление керамики с расчесами. Этот тезис белорусского исследователя К. В. Каспаровой в свое время был объявлен Д. А. Мачинским и М. Б. Щукиным голословным и необоснованным. Ими так же утверждалось, что Белорусское Полесье после распада классических памятников зарубинецкой культуры стало безлюдным и оставалось таким вплоть до прихода сюда населения вельбарской культуры [Каспарова, 1976, № 4, с. 252].

Как установили в ходе полевых исследований на территории Белорусского Полесья В. В. Вергей и В. Г. Белевец, тезис о «белом пятне», «зоне пустоты», отсутствие населения на территории Белорусского Полесья, после угасания классических памятников зарубинецкой культуры, до прихода сюда вельбарцев – историографическая фикция, вызванная тотальным недоверием к научному наследию Л. Д. Поболя и почти что религиозной верой в тезисы К. В. Каспаровой и Ю. В. Кухаренко без их верификации полевыми исследованиями данного региона.

На самом деле оказалось, что на юге Беларуси, в Белорусском Полесье, Восточном Подляшье, а также части Верхнего Понемонья, памятники позднезарубинецкой культуры появились как минимум в конце I в. н. э. [Белевец, 2012]. Несомненным является и то, что расселение носителей вельбарской культуры на территории Западного Полесья не проходило в условиях культурного вакуума. Сегодня установлено, что памятники позднезарубинецкой традиции Белорусского Полесья появляются практически везде, как пишет В. Г. Белевец, где проводятся активные археологические работы [Белевец, 2008, вып. 1, с. 209–237]. В ходе полевых исследований белорусских археологов на Полесье конца 1980-х – 1990-х годов были открыты самые ранние памятники пражской культуры, датированные временем не позднее второй половины IV в. н. э., известные сегодня как памятники фазы «0» пражской культуры [Гавритухин, 2003, № 18, с. 123–138; 2004, с. 39–50; 2009, т. XLIX, с. 7–25; Восточная Европа ... , 2007, вып. 9; Фурасьев, 2009, т. XLIX, с. 26–38]. Благодаря научным изысканиям белорусских исследователей В. В. Вергей, А. Н. Белицкой и В. Г. Белевца установлено, что самые ранние достоверно славянские древности возникли на основе памятников позднезарубинецкой традиции типа Кутова–Радость на западном Полесье и типа Курадова в его Турово-Пинской части. Культура населения, оставившего памятники типа Курадова, сочетает черты полесского варианта зарубинецкой культуры и круга «городищенских» культур восточноевропейской лесной зоны [Белевец, 2012]. Как

с точки зрения хронологии, так и по характеру материальной культуры эти памятники следует включать в состав позднезарубинецкого историко-культурного горизонта. Комплексный анализ памятников I–IV вв. н. э. с территории Центрального Полесья позволил белорусским археологам В. С. Вергей и А. Н. Белицкой утверждать, что в III–IV вв. н. э. развитие памятников типа Курадова явилось основой или одним из важных источников формирования в Припятском Полесье памятников пражской культуры [Белявец, 2002, № 5, с. 5–24; 2005, № 20, с. 87–106; Бяліцкая, 2002, № 17, с. 44–53; 2006, № 21, с. 107–123; 2011а, вып. 20, с. 126–142; 2011б, vol. VII, с. 51–67; 2011в, вып. 26, с. 152–169; Вергей, 2008, вып. 1, с. 238–256; Вяргей, 2003, № 18, с. 151–187].

Эти ошеломляющие открытия последних десятилетий подтвердили принципиальную правоту теоретических построений Л. Д. Поболя, высказанных им еще в 1970-х – начале 1980-х годов.

Таким образом, Припять сегодня рассматривают не как реку славяно-балтского пограничья, а как внутреннюю, важнейшую, артерию пражской культуры на раннем этапе ее развития [Гавритухин, 2009, с. 8–10].

С нашей точки зрения, открытие и публикация новых археологических материалов, связанных с памятниками лесостепной и лесной зон Восточной Европы, показали принципиальную правильность и тезиса Л. Д. Поболя об экспансии населения позднезарубинецкой общности на территорию Центральной и Северной Беларуси, что, в свою очередь, послужило здесь основой для формирования культур середины–второй половины I тысячелетия н. э., связанных, как он полагал, с историческими славянами – Колочинской и Банцеровско-Тушемлинской культурами.

Было бы неправильным не упомянуть и аргументацию противников данной точки зрения. В первую очередь, Е. А. Шмидта. Данный ученый, как известно, совершенно иначе видит культурогенез первой половины I тысячелетия н. э. В первые века нашей эры, как он считает, произошло сближение культур восточных балтов – днепро-двинской, верхнеокской, юхновской и отчасти милоградской, что отразилось в появлении керамики типа среднего слоя Тушемли. Не исключается воздействие на этот процесс из более южных районов Поднепровья (зарубинецкая культура), однако принципиальным моментом автор концепции считает отрицание смены этноса. В III–IV вв. н. э. на основе указанной общности типа среднего слоя Тушемли в Смоленском Поднепровье, а в междуречье Днепра и Западной Двины – также с участием днепро-двинской культуры западнодвинского варианта происходит формирование тушемлинской культуры. Данная концепция подтверждается, с точки зрения автора, эволюцией керамического комплекса из селищ Яново и Микулино. По мнению Е. А. Шмидта, фиксируется дополнительное влияние культуры штрихованной керамики на среднетушемлинскую: здесь обычны фрагменты со штриховкой, а также с намеченным ребром [Лопатин, 2007, вып. 8, с. 10, 57].

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>О. Н. Левко</i>)	5
Поболь Леонид Давыдович: к 90-летию со дня рождения ученого (<i>О. Н. Левко</i>)	8
Основные вопросы славянского этногенеза в трудах Л. Д. Поболя (<i>И. А. Марзалюк</i>)	20

Раздел I

БЕЛОРУССКОЕ ПОДНЕПРОВЬЕ И ПОЛЕСЬЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ н. э.

Зарубинецкая культура Белорусского Поднепровья (<i>А. И. Дробушевский</i>)	38
Постзарубинецкие памятники Белорусского Поднепровья (<i>Н. Н. Дубицкая</i>)	137
Выемчатые эмали римского времени на территории Беларуси (<i>Л. Д. Поболь, З. А. Харитонович</i>)	146
Клад металлических поясов римского периода из Красного Бора (БССР) (<i>Л. Д. Поболь</i>)	146
Находки изделий с выемчатыми эмалями на территории Беларуси (<i>З. А. Харитонович</i>)	175
Могилевское Поднепровье в римское время (<i>А. В. Ильютик, Н. Н. Дубицкая</i>)	198
Абидня. Вещевой комплекс селища и могильника (<i>А. В. Ильютик</i>)	198
Могильники второй четверти I тысячелетия н. э. в Белорусском Поднепровье (<i>А. В. Ильютик</i>)	247
Памятники культуры Абидни (<i>Н. Н. Дубицкая</i>)	284
Стан і актуальныя праблемы вывучэння помнікаў постзарубінецкага гарызонту ў Беларускім Палессі (<i>В. Г. Белявец</i>)	334
Насельніцтва вельбарскай культуры ў гісторыка-культурным развіцці зямель Беларусі рубяжа II/III – пачатку V ст. н. э. (<i>В. Г. Белявец</i>)	384
Праблемы вылучэння позназарубінецкіх комплексаў у Прыпяцкім Палессі (<i>Г. М. Бяліцкая</i>)	451
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ	504

Славяне на территории Беларуси в догосударственный период :
С47 к 90-летию со дня рождения Леонида Давыдовича Поболя. В 2 кн. Кн. 1 /
О. Н. Левко [и др.] ; науч. ред.: О. Н. Левко, В. Г. Белевец ; Нац. акад. наук
Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2016. – 506 с. : ил. –
(Славянские древности Беларуси).

ISBN 978-985-08-1960-4.

В монографии представлены новейшие научные разработки в области археологических исследований, связанных с раннеславянской проблематикой на территории Беларуси. Освещены особенности памятников и культуры регионов Белорусского Поднепровья, Белорусского Полесья, Белорусского Подвинья и Днепро-Двинского междуречья на отдельных исторических этапах их развития. Особенностью данного издания является представление разных концептуальных подходов к решению существующих проблем в славянском этногенезе, в том числе на белорусских материалах.

Рассчитана на историков, археологов, работников музеев, преподавателей и студентов вузов, а также самый широкий круг читателей, интересующихся древней историей.

УДК [94+902/904](=16)(476)
ББК 63.3(4Бел)

Научное издание

СЛАВЯНСКИЕ ДРЕВНОСТИ БЕЛАРУСИ

Левко Ольга Николаевна,
Марзалюк Игорь Александрович,
Дробушевский Александр Иванович и др.

**СЛАВЯНЕ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
В ДОГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕРИОД
К 90-летию со дня рождения доктора исторических наук,
профессора Леонида Давыдовича Поболя**

В двух книгах

Книга 1

Редакторы *Н. Т. Гавриленко, О. А. Рахуба*
Художественные редакторы *Т. Д. Царёва, В. А. Жаховец*
Технический редактор *О. А. Толстая*
Компьютерная верстка *Н. И. Каиубы*

Подписано в печать 22.01.2016. Формат 70 × 100¹/₁₆. Бумага офсетная. Печать цифровая.
Усл. печ. л. 41,11+0,98 вкл. Уч.-изд. л. 34,3. Тираж 300 экз. Заказ 18.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220141, г. Минск.